

УДК 355.4
ББК 66.4(4)/66.4(8)
С 79

Стешин, Д.А.

С 79 Священная Военная Операция: от Мариуполя до Соледара / Дмитрий Стешин. — М.: ИД «Комсомольская правда», 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-4470-0640-2

Знак информационной продукции **16+**

«Государственная граница Российской Федерации проходит через мой окоп», — говорит один из героев книги легендарного военкора «Комсомольской правды». Год СВО, день за днем, плечом к плечу с героическими бойцами и простыми людьми, которые тоже на протяжении долгих лет вершили свой подвиг, делали свой выбор — всегда нелегкий... Вместе с Дмитрием Стешиным читатель проходит через будни Донецка, штурм Мариуполя, радость побед и горечь неудач, делит хлеб с солдатами и помогает пенсионерам и раненым. Искренне и без прикрас. И кажущаяся игра слов — Священная Военная Операция — перестает быть игрой. Она становится жизнью. А граница России проходит через сердца автора и читателей.

УДК 355.4
ББК 66.4(4)/66.4(8)

ISBN 978-5-4470-0640-2 © Дмитрий Стешин, текст, фото, 2023
© АО «Издательский дом «Комсомольская правда», фото, 2023
© АО «Издательский дом «Комсомольская правда», оформление обложки, 2023

ЗИМА — ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МИРА

ЭВАКУАЦИЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ

20 февраля 2022 года

«ЗАЙ, НЕ ПЛАЧЬ!»

Ранним воскресным утром в салоне республиканского сотового оператора было многолюдно по нынешним временам — четыре человека, включая меня, спецкора «Комсомольской правды». И все равно, из этой мизерной выборки, от которой бы отмахнулись социологи, получился срез настроений и людских чаяний. Я оказался в очереди между двумя мужиками. Один в форме брал сразу десяток карт-«пополняшек» телефонных счетов, а второй бубнил в трубку за моей спиной:

— Зай, не плачь, я невоеннообязанный. Нет, не призовут опять, у меня же сустава нет. А если и призовут, то на передок не пошлют...

По разговору выходило, что мужик крепко повоевал в 15-м году и ранило его, скорее всего, во время операции в Дебальцево. Тогда всех ранило, все мои знакомые ополченцы получили там ранения, практически без исключений.

Женщина в голове нашей маленькой очереди немножко довела сотрудницу салона. Клиентке нужно было отключить номер телефона, но не сейчас, а завтра днем, когда она пересечет границу республики. Женщина эвакуировалась. Менеджер терпеливо объясняла, что может отключить номер прямо сейчас, при ней. А вот как с такси, заказать на завтра, на утро, не выйдет. Женщина не сдавалась. Наконец телефонная барышня взорвалась:

— Связь копейки стоит! Время такое, вы что, не видите? Вы обнищаете, если у вас там сто рублей пропадет!?

Настырная клиентка обреченно вздохнула:

— Отключайте, все равно звонить некому, мужа мобилизовали, а телефоны у них в части нельзя иметь.

Мужик, бравший «пополняшки», поинтересовался:

— А что у него за часть, если телефоны нельзя?

— Связь, связист он, телефонист.

Первой расхохоталась менеджерка, хотя не над чем было смеяться.

Я вышел из салона на пустой Пушкинский бульвар. Отметил, что любимое место жителей Донецка пустовато для воскресенья и солнечной погоды. В невидимых репродукторах системы экстренного оповещения потусторонний, inferнальный голос бормотал тревожные мантры. Я распознал лишь слова «эвакуация» и «мобилизация».

МОБИЛИЗАЦИЯ ПОД ОБСТРЕЛОМ

Внешне мобилизация выглядела как призыв русских мужичков на сборы резервистов, где можно месяц потусоваться в компании земляков и ровесников, вспомнить молодость, отдохнуть от жен и работы. Вот только бахало все время на горизонте, каждую минуту что-то гулко рвалось, даже стекла чуть подрагивали в окрестных домах. Там, где они уцелели....

Неприметная школа в Киевском, самом проблемном районе Донецка. Уже через километр от этой школы, по направлению к Донецкому аэропорту, начинались полумертвые кварталы с домами, истерзанными осколками. Впрочем, самой школе, где разместился мобилизационный пункт, несколько лет назад тоже досталось. Мне рассказали, что в 2017 году школу накрыли «градами» со стороны аэропорта... впрочем, это было понятно по новеньким окнам.

Обычные мужички выходили к школе из дворов — кто с рюкзаком, кто со спортивной сумкой и присоединялись к нашей группе, гревшейся на солнышке. И сумки у мужиков были те же самые, в которых они носили смену белья и «тормозок» в шахту или на завод.

Обсуждали минувшую ночь:

— Долбили-долбили, наши не выдержали — пришел, видать, приказ на ответку, выкатили саушку прямо к моему дому да как дали!

— И чё?

— Я с кровати слетел, а жена — так и спит, даже похрапывает.

Все хохочут.

Поодаль, там, где толпились бойцы, уже обработанные военкоматом, балагурил седобородый мужик, автоматически получивший кличку Дед. У него были добрые, васильковые глаза — точно в цвет новенькой десантной тельняшки. Видно было, что Дед — душа компании, но поговорить со мной отказался, причина была веская.

— Не могу, братик. Все! Я теперь человек подневольный, присягу дал. У нас же все быстро — зашел туда, — Дед показал на стеклянные школьные двери, — штатским, а вышел военным!

В школе действительно происходило что-то сакральное, обрядовое. В нее заходили обычные мужики, а выходили воины, обремененные долгом и клятвой.

Но я не унимался и продолжил пытаться Деда:

— А годков-то вам сколько? Это-то можно узнать?

— Можно, шестой десяток пошел, еще года три повоюю, потом — домой с чистой совестью.

Кто-то из толпы заметил:

— Да за два дня все закончится!

Начался спор, и я вдруг услышал за спиной:

— Ого! Стешин пришел нас проводить! Спасибо огромное!

Я обернулся. Строитель Данила страшно удивился моему вопросу: «Сам ли пришел или призвали?»

— Конечно, сам пошел. Это же моя Родина! Я даже не думал, что должен куда-то прятаться. И вы молодцы — правду показываете и нас поддерживаете.

— Я очень надеюсь, что Россия вмешается и не допустит.

— Ничего, у нас мужиков много, продержимся.

— Что думаешь про тех, кто уезжал в пятницу из Донецка, пробку устроили на границе, в Амросиевке, на 22 километра?

— Бог им судья. Не могу их осуждать.

— Почему?

— Надо знать, что у них в жизни происходит, в семьях. Не могу их осуждать.

Мы попрощались и нашего читателя увели принимать присягу. А потом усадили в обычный донецкий рейсовый автобус, снятый с городского маршрута. Что там будет дальше — военная тайна. Чем все это закончится — пока не знает никто. Но мне настрой мужиков понравился. Не «петлюровская мобилизация» непонятно кем и для

чего. Здесь люди знали, за что им придется воевать. И мне хотелось верить, что они победят.

Не знаю, остались ли живы мои собеседники. Потери среди мобилизованных в первые месяцы войны были просто ужасающими. И не только от вражеского огня — от простуд, обострения болячек, от ночевки в снегу и в развалинах. Им действительно выдавали трехлинейные винтовки Мосина (иногда в снайперском варианте, с оптикой) и карабины СКС. Вместо кевларовых шлемов — дедовские железные каски СШ-40. Их так и прозвали «железные каски». И к весне, к боям за промзоны Мариуполя, выжившие превратились в воинов. Об этом позже.

21 февраля 2022 года

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ РФ СМОТРЕЛИ ДАЖЕ ВСУ

Во время трансляции в Донецке было удивительно тихо, едва она закончилась, началась артиллерийская канонада.

К сожалению, украинская армия так и не поняла, что грохот их пушек был самым реальным подтверждением сказанного на Совбезе: больше такое продолжаться не может, это геноцид.

Трансляцию я смотрел с двумя Юлями — Чичериной, гражданкой ДНР и ЛНР (что встречается крайне редко, практически никогда), и ее подружкой, жительницей Авдеевки — пригорода Донецка, который уже восемь лет находится за линией фронта. Ей слово:

— Я живу в Донецке с 14-го года, как уехала из Авдеевки в сентябре. Там остались все мои родственники, и об этом опасно говорить, поэтому я не буду называть имена и фамилии. Там остались мои старенький отец, мама, сестра. И все эти годы я думала: когда их увижу?

— Почему?

— Я невъездная на Украину, а они не могут приехать ко мне. Для меня самая большая боль — это разорванный по-живому Донбасс. Те, кто там остался, просто боятся со мной общаться. Много лет они надеялись и верили... Вот сейчас это совещание историческое в Авдеевке смотрели все. Мне сейчас из-за линии фронта звонила сестра, она рыдала! Она говорила: «Юля, я не могу поверить, что о вас так говорят, что вас называют не мятежными республиками! Если вас

признают, мы тоже будем с вами?» Я очень надеюсь, это моя самая большая мечта.

Юля Чичерина смотрела Совбез очень эмоционально. Пришли еще друзья и знакомые. Иногда с мест выкрикивали, как на футболе: «Жги!» В конце Юля заметила, что, как гражданка двух республик, имеет право говорить от всего Донбасса. И вообще, Донбасс — это восемь лет ее жизни, и она сейчас, в эти минуты, абсолютно счастлива.

На улице дело с комментариями стало буксовать. Город вообще за последние дни стал на порядок пустоват. Например, еще в прошлую пятницу было достаточно сложно запарковаться у Крытого рынка, а сегодня — куча свободных мест, пустые, закрытые ряды. Магазины-ларьки уже в три часа дня начали потихоньку закрываться, понимая, что покупателей уже не будет. Лишь в одном месте царило оживление — там обналичивали деньги с российских карт и была даже маленькая очередь. На время проведения Совбеза улицы опустели даже в центре, а редкие прохожие шарахались от меня. И уходили, быстро и молча или категорически отказывались что-то обсуждать со словами «Не верю!».

Поразмыслив, я понял, что это не жители Донбасса такие, это просто на восьмой год войны народ разуверился во всем. Россия, конечно, помогала Донбассу, но, что греха таить, делалось это в режиме реанимации — лишь бы сердечко билось.

Я переместился на освещенную площадь Ленина.

— Кусочек смотрел, — признался пенсионер Владимир. — Ничего не поразило, потому что это ожидалось. Но хотелось, чтобы в границах областей, мы все-таки голосовали за это в 14-м году. Может, теперь прекратится все это... наконец.

И тут Владимир, видно полностью осознав происходящее, приходит в отличное расположение духа:

— А я еще 10 лет назад говорил — будет Донецк столицей!

Тут же мне встретилась бабушка Раиса с внуками, и выразилась она коротко:

— Мы ожидали этого! Мы. За! Мы за!

Я вернулся домой, быстро открыл в компьютере чат жителей Донецка и застонал, как от зубной боли. Там шла переключка — где какие районы слышат артиллерию: «Петровка громко!», «Пролетар-

ский слышно!», «Гвардейка слышит отдаленно», «Путиловка — громко! Будьте осторожны!».

Евгений Малахий написал: «Укры психанули после заседания». Администратор сделал замечание: «Не мусорьте в чате, от наших сообщений может зависеть жизнь».

Пока жизнь эта на Донбассе шла привычным чередом, хотя в воздухе уже пахло весной и, как говорят шахтеры, сбывчей мечт.

22 февраля 2022 года

КОРОТКИЙ ПРАЗДНИК — ПРИЗНАНИЕ РЕСПУБЛИК

По моим личным ощущениям, этот «праздник признания» длился примерно 10 минут. Я выключил трансляцию и начал вслушиваться в разгорающийся бой, он постепенно набирал силу. Но странное дело: я не мог понять, что за калибры задействованы, прилеты это или «минуса» (снаряды, выпущенные защитниками города). И лишь спустя минуту я заметил отблески в окнах соседнего дома, выбежал на балкон и увидел потрясающий салют, которому мог бы позавидовать и Киев. Впрочем, Киеву в этот момент совсем не до салютов. Я еще подумал: «До какой же степени у нас у всех здесь деформирована психика!» В Донецке не любят салюты, я их тоже не переносю. За восемь лет я прожил в этом городе года два, минимум, если сложить все командировки вместе. Посмотрел на часы и на площадь Ленина не поехал, комендантский час никто не отменял. Просидеть до утра в районном РОВД очень просто, и никакие связи не помогут. Поэтому празднество на площади очень быстро стихло.

И радость от признания тоже была кратковременной. Бумаги хоть и подписаны, но на тот момент еще ничего не решено в судьбе Донбасса, заплетенный узел не развязан...

Решил поинтересоваться: как отреагировали на признание республик за линией фронта? Первое сообщение: «Артемовск эвакуируется!» Возможно, всякие полувоенные и гражданские учреждения начали там собирать котомки. Потом попало любопытное сообщение:

«В Северодонецке уже кипиш. С компьютеров администрации сливают приказ об эвакуации. Местные менты и даже эсбэушники

готовятся перейти на сторону освободителей (у некоторых припрятаны русские флаги!). Зато приехавшая из Киева спецпура минирует школы. Если фронт покатится в сторону Северодонецка — школы взорвут, чтобы обвинить Россию», — пишет некий майор Селиванов, и пусть правдивость этого сообщения останется на его совести. Хотя ничего в этом сообщении не противоречит основному тренду самостийщины — быстро заводиться и так же быстро разбежаться по хатам.

ПРИМИРЕНИЕ: БОЛЬНО И ДАЛЕКО

Мнение местных тоже оказалось на редкость сдержанным. После взаимных поздравлений председатель Общественной палаты ДНР Александр Кофман невесело заметил:

— Нынешний день можно сравнить со Сталинградской битвой: в войне перелом, но до Берлина еще очень далеко. Очень далеко до освобождения Мариуполя и Славянска. Просто сегодня произошел перелом.

Позвонил в Крым своей старой подруге и врачу Анне Лавриненко. Я познакомился с ней на линии фронта под Ясиноватой — она проверяла санинструкторов, комплектование аптечек и прочее, а я прибыл туда по журналистским делам. Первый разговор у нас случился на повышенных тонах, со слов Анны: «Что, мы в России еще кому-то интересны?» Говорили мы с ней в подвале разрушенной дачи, на позициях в так называемой «Промке», в промзоне. Ее еще называли «ворота в Донецк», и ВСУ действительно рассматривали это направление как основное для штурма города. Защитники «Промки» войти не дали, хотя именно тогда всю республику опять накрыл период отчаяния — таких черных, депрессивных волн было несколько за 8 лет, когда-нибудь их будут изучать социопсихологи. Тогда, в декабре 2019-го, я начал аргументированно доказывать Анне любовь России к Донбассу и смог доказать, это стало фундаментом нашей дружбы.

Аня, чуждая сентиментальности, на этот раз поразила меня фразой:

— Аж слезы на глазах, не зря восемь лет...

Но врачи — люди очень практичные, и Анна быстро меня заземлила:

— Ты всерьез считаешь, что нужно возвращать остальную Украину? Ты видел, что там творится?

— Они очень смешно, как крысята по клетке, мечутся, бегают в панике и уже выдумывают себе оправдания.

— Ну, бегать в панике они умеют, но не это главное. Там восемь лет людям психику ломали и переформатировали. Думаешь, они за один вечер изменятся?

Анна права, нет, конечно, и процесс примирения будет очень долгим и болезненным.

А в половине первого ночи Владимир Путин поручил Минобороны РФ обеспечить поддержание мира в ДНР и ЛНР российскими вооруженными силами. Как они поведут себя на фронте? Будут взламывать украинскую линию обороны сразу или дождутся, когда Киев себя проявит? Этого пока не знает никто. Одно можно сказать точно — никто больше не даст Украине обстреливать города Донбасса в «дежурном» режиме, к которому она так привыкла за эти восемь лет. Очень надеюсь, что Киев это понимает и все решится без крови.

Анна оказалась права. Никто не встречал нас цветами. Мы недооценили противника, его упертость. Хотя нам достаточно было лишь посмотреть на себя в зеркало и понять, что наши «небратья» будут воевать с нами по-настоящему и причины этого не столь важны. Донецк по-прежнему обстреливают. Декабрь 2022-го и январь следующего года стали самыми черными в военной истории города. Но об этом позже.

22 февраля 2022 года

УДАР НА ПРОЩАНИЕ?

Ночью по Донецку ползли танки. Я слышал их тяжелую поступь и железное звяканье траков. Половина Донецка слышала, в чатах писали люди, перевозбужденные от признания республик: «Засну, только когда пройдет последний танк из хвоста колонны». Ранним утром, кто-то заехал к могиле первого главы ДНР Александра Захарченко, оставил там две гвоздики и записку: «Как жаль, Саша, что ты этого не видишь».

У людей в республиках были, конечно, надежды, что, узнав о вмешательстве России, «воины света» просто уйдут с позиций. Надежды

не оправдались: «Азов» (запрещенная в РФ организация) и прочая сволочь начали собирать в Интернете деньги «для отражения агрессии России» и мобилизовать добровольцев. Любопытно, что в бандеровской добровольческой анкете потенциальной «жертвы российской агрессии» есть специальная графа, посвященная участию в Майдане — отправной точке последней украинской государственности.

Украинская артиллерия действительно притихла на какое-то время сразу после признания. Но глубокой ночью на трассу Донецк—Горловка вышла украинская диверсионная группа, пробравшаяся через линию фронта из Авдеевки, попыталась подорвать машину с одним из командиров Народной милиции, легендарного подразделения «Сомали». Не получилось, и тогда диверсанты подорвали автомобиль, идущий следом, — погибли три местных жителя.

Утро выпало туманное, видимость не больше двух десятков метров, и Донбасс привычно начал считать ночные раны. И этот ужасающий список показал, что без «распряжения горбатовых» военными силами и средствами здесь ничего не закончится само по себе. И надежда только на Россию, которая наконец-то «зашла». Пока наша армия не сказала веского слова, молчит, и за линией фронта это расценили как слабость.

ПО-ХОРОШЕМУ НЕ БУДЕТ

Я не знаю, чем руководствовались артиллеристы ВСУ, закинув десяток мин в этот маленький поселок Кировского района. Били четко, в двухчасовой период между заседанием Совета безопасности РФ и заявлением Владимира Путина о признании республик и оказании им помощи. Какие цели они увидели в четырех скромных одноэтажных домах? Очень надеюсь, что этих артиллеристов скоро будут судить в Донецке и Луганске и тогда они объяснят причины своих зверств. А пока я вижу только растерянных людей, бродящих возле своих домов, не знающих, за что хвататься. Вся улица завалена утеплителем, разорванным осколками. У входа в один из домов — крепко посеченный осколками белый жигуленок. В доме работает дознаватель, фиксирует ущерб. На улице уже стоит аварийная машина — газовики проверяют магистрали, их тоже посеколо. Чудом во время этого обстрела почти никто не пострадал, лишь стеной дома

привалило пожилую женщину. Переломов у нее нет, только множественные ушибы и шок.

Один из соседей говорит мне, что в поселке, конечно, всякое видели в 14—15-м годах, но обстрелов по домам не было очень давно, он даже не может припомнить. Показывает на разрушенный дом:

— Мина пробила крышу, и хату просто вздуло изнутри, окна-двери, все выдавило. Может, Россия все это закончит? — спрашивает меня с надеждой.

— Сколько до линии фронта?

Мужчина машет рукой куда-то в туманную даль, за террикон:

— Два километра, не больше.

Во время нашего разговора парламенты, точнее народные советы двух республик, единогласно ратифицировали проект о дружбе и взаимопомощи с Россией. Первыми отреагировали службы такси Донецка — подняли цены на проезд. Внятно объяснить возмущенным согражданам этот поступок таксисты пока не смогли. Возможно, так они вошли в Россию, хотя бы ценами. Что будет дальше, чего ждать — озвучил вице-спикер парламента ЛНР:

«Вся Луганская область является территорией республики. Украина должна добровольно отвести войска, в противном случае будут приняты меры». В ДНР со спикером, разумеется, согласны.

23 февраля 2022 года

ДОНЕЦК ЖДЕТ УДАР УКРАИНСКОЙ АРМИИ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ ОБРАТНОЙ СИЛЫ НЕ ИМЕЕТ

В Донбассе полным ходом идет мобилизация. Как заявил глава ДНР Денис Пушилин, с предприятий должны призвать половину сотрудников мужского пола. Для жизни в республиках это станет огромной проблемой — уже, например, не хватает водителей для развозки товаров по магазинам и водителей общественного транспорта. Но сделать ничего невозможно — близкая вероятность войны, как говорят юристы, «обстоятельства неодолимой силы». Остается только терпеть и действовать. В республике сняли бронь со студентов-медиков старших курсов. Что говорит лишь о том, что ситуация очень серьезная.

И есть реальные опасения, что Украина воспользуется временным зазором между признанием республик и возможным вводом российских миротворцев. А задача армии, корпусов Народной милиции — выдержать первый удар, не дать украинской армии закрепиться в городской застройке.

Патрули на улицах проверяют у мужчин призывного возраста документы. Тем же самым занимаются и гаишники. В соцсетях ноют и липовые жители Донбасса, ведущие тут информвойну в интересах Украины, и граждане настоящие. Им аргументированно отвечают: «Не нойте, что вам тут плохо, восемь лет была война, и вы тут жили, давно бы уехали на Украину. Не уехали, значит, не так все плохо?» «Анекдотом дня» стал ролик из Интернета, который разлетелся по Донбассу с какой-то фантастической скоростью. За кадром женщина говорит: «Отправила Виталика за водой, возвращается, моя добычица». Виталик в старушечьем меховом пальто, в шапке с помпоном, губы накрашены. Докладывает маме по-военному четко:

— Проскочил. Продукты доставлены, никто не узнал, никто не здоровался.

Донбасские соцсети от этого ролика просто порвались. Виталика быстро вычислили с помощью программ по поиску изображений и опознали. Да, реальный человек, живет в Донецке, свой аккаунт ВКонтакте быстро закрыл, не выдержав внимания земляков.

Есть и обратные варианты. Паренек пошел добровольцем, выложил фото с повесткой в Инстаграм и ТикТок, собрал заслуженные лайки и через несколько дней внезапно оказался в окопах под городом, на одном из самых неприятных участков — Трудовские. Он просто забыл про разницу между словами «служить» и «воевать», не подумал. Герой ТикТока звонил из окопов друзьям: «Пацаны, выкупите меня». Пацаны пожалы плечами, потому что фарш обратно не проворачивается. Предчувствие войны, как и закон, обратной силы не имеет.

«ХРАБРОСТЬ И ДУРОСТЬ»

Утром позвонили друзья-ополченцы из батальона «Восток», живущие уже несколько дней на казарменном положении, пригласили в гости, пообщаться. Спрашиваю с такой подколкой: «Вам чего к празднику привезти? Чай и пряников?» Ответ меня озадачил:

— Точно, братан, чая и пряников, есть такие «клубника со сливками», если найдешь.

Как показала практика, взмыленный повседневностью и ожиданием войны младший командный состав батальона с трудом вспоминал, что сегодня 23 февраля. Половина народа из «Востока» была на полигоне за городом, остальные — как правило, молодые и необстрелянные парни — занимались с инструкторами в огромном и пустом спортивном зале. Форма у всех из серии «какая нашлась, такую и купили». Но это пока. Зато разгрузки у всех одинаковые, хорошего качества, одной известной российской фирмы. Как-то незаметно так вышло, но Россия уже давно не уступает по снаряжению западным матерым производителям, привыкшим разводить Пентагон и НАТО на космические бюджеты.

Как я заметил, все в этом зале с оружием на руках — чтобы привыкали к нему. Лица чистые, глаза светлые. Знания впитывают жадно.

Начмед Ольга, воевавшая еще в 2014 году, пришла присмотреть за учебным процессом. На спортивном мате возьтятся два бойца, один другому пытается наложить жгут.

— Знаний о медицине из школы ребята не приносят вообще, белый фон. Курсанты и воевавшие что-то знают. Главное, чему мы учим, — наложить жгут, остановить кровотечение. Жгут, как автомат Калашникова, не подведет. И еще чему мы учим — как вытащить своего раненого товарища из-под обстрела. Если есть такая возможность.

Высокий, статный мужчина в военной форме обращает на себя внимание хотя бы своим ладным, подогнанным снаряжением. Позывной «Кирнос», по профессии строитель, замечает мне: «Не все же в жизни разрушать!» На эту войну пришел сам, служил с весны 2014 по 2017 год, потом, как говорит мне, «был перерыв на мирные занятия».

— А чего ждать? Собрался и пришел в родной батальон. Я русский человек, у меня есть дети, я не хочу им оставлять вот такое будущее. Это же неправильно, когда нас убивают непонятно за что!

— Много ветеранов мобилизовались?

— Много, рад их видеть.

— Молодежи, кто пришел добровольцами, что скажешь?

— Молодцы пацаны, рано или поздно это случилось бы. Главное — не путайте храбрость с дуростью! Берегите себя.

Про День защитника Отечества мне так никто и не сказал ни слова. В той ситуации это было бы излишним. Когда я дописывал эти строки, первый раз за долгие годы от далекой канонады стали подрагивать стекла в моем доме. Чуть-чуть, еле заметно, но война придвинулась к городу. В городе к ней готовились.

С этого момента в моих дневниках появляется батальон «Восток». С его бесшумным и легендарным командиром Александром Ходаковским я познакомился в мае 2014 года. Вместе приваривали «зушку» (ЗУ-23, спаренную зенитную установку) к раме тягача MAN, потом отстреляли ее по террикону. Эта съемка даже попала в клип Полины Гагариной «Кукушка». Еще до начала СВО Александр Ходаковский принял необычное решение. Меня неофициально — штатное расписание такого не предусматривало — приписали к батальону «Восток» в качестве «вольнопределяющегося», в традициях армии дореволюционной России. Считаю, что это самый правильный формат совместной работы военных и военкоров, лучше пока не придумано.

24 февраля 2022 года

КИЕВ ПОПЫТАЛСЯ АТАКОВАТЬ ЛНР И ВЫЙТИ НА ЛУГАНСК

Похоже, то, о чем говорили многие эксперты, все-таки случилось. Украина попыталась решить свой территориальный вопрос силой. По крайней мере, это читается в замысле операции, которую ВСУ попытались провести в среду вечером.

Две ротно-тактические группы по 70 человек форсировали Северский Донец, являющийся линией фронта, на лодках. Основной задачей, по словам луганских силовиков, являлось взятие под контроль двух господствующих высот, на которых находятся опорные пункты Народной милиции ЛНР. И им удалось это сделать.

Меня этот бой застал недалеко от села Николаевка, которое и атаковали украинцы. Воздух разорвала трескотня десятков стволь. В небе прошлестели нескольких реактивных снарядов, за-

работала артиллерия, темноту то и дело озаряли яркие вспышки разрывов.

— Честно говоря, мы даже не заметили, как диверсионная или разведывательная группа подошла к опорнику, — расскажет мне позже один из участников боя. — Численность ее была в районе роты, мы приняли бой. Боеприпасы заканчивались, по радиосвязи запросили командира, он дал приказ на отход. Попали еще под огонь артиллерии со стороны Вооруженных сил Украины, отошли в дачи.

Украинцы тоже не стали атаковать в лоб, обойдя опорные пункты по флангам и начав зачистку дачного поселка, примыкающего к высоте. Как предполагают мои источники в силовых структурах Луганска, основной задачей ротного-тактических групп после занятия высот было обеспечение обороны понтонной переправы, которая уже была готова к развертыванию.

— Командир запросил артиллерию, — продолжает боец. — Она начала работать на подавление. Перегруппировавшись, соседние посты приняли бой и удержали позиции.

На какое-то время шум боя действительно стих. Немного спустя в сторону опорников мимо меня проехали три танка и БМП, которые, впрочем, в бой так и не вступили.

Вместе с бойцами НМ ЛНР мне удалось побывать на одном из отбитых опорных пунктов. Отсюда открывался отличный вид на Северский Донец, и, потеряв его, армия ЛНР рисковала потерять контроль над своим участком берега.

ВСУ же, создав здесь плацдарм, смогли бы перекидывать подразделения, которые можно затем направить на Луганск. До него отсюда — 15 минут неспешной езды на машине. Весь город, конечно, с наскака взять невозможно. А вот занять окраину и повесить украинский флаг над какой-нибудь районной администрацией и объявить, что столица признанного государства не контролирует даже свои городские границы, вполне можно попытаться.

По итогам боя луганские бойцы насчитали 9 тел украинских спецназовцев. Остальные нападавшие, судя по всему, ретировались за речку.

24 февраля 2022 года

ЛИНИЮ ФРОНТА В РЕСПУБЛИКАХ ГОТОВЯТСЯ ВЗЛАМЫВАТЬ

430-километровая линия фронта, опоясывающая уже признанные республики, пока стоит. По последним сообщениям, военные ЛНР начали бои за населенный пункт Счастье. Это подтверждают и местные жители: у них «громко». А в Донецке, на окраине, впервые тихо.

Переезжаю из квартиры в расположение батальона «Восток», в маленькую комнатку, где уже поселились ребята из авиаразведки. Кратко переговорил с командиром нашего батальона Александром Ходаковским, обнялись на радостях: «Дождались!» Мы выдвигаемся с базы в Донецке, куда и когда — неизвестно. Моя машина пойдет в общей колонне, я получил порядковый номер на лобовое стекло — 18. Ездил потом с ним много месяцев и, если спрашивали, говорил, что это номер маршрута моего троллейбуса.

У нашего подразделения следующая задача — обеспечение порядка на освобожденных территориях, борьба с ДРГ и остаточными группами противника и, главное, «установление новой власти». Ждем приказа о выдвижении, который придет сразу же, как начнут ломать линию фронта в республиках.

Всех волнует, что происходит за линией фронта. Еще вчера ночью мне сообщили, что через Северский Донец нашими саперами наведены понтонные переправы. Никто, конечно, в это не поверил. Теперь уже сомнений нет. Что за линией фронта?

Читатели сообщают:

Харьков

Аннушка Лукашова:

Харьков. В 5 утра хлопки. После — пару раз где-то что-то грохнуло. Живем в спальном районе, конец города, трасса на Чугуев. Во дворе — кто спокойно выгуливает собачек, кто с папиросой идет на работу, а кто в панике с сумками куда-то едет.

Ждем в Харькове?!

Андрей Кальмиус:

Московский район, Северная Салтовка очень сильные взрывы в районе окружной — там находится(находилась) часть ПВО.

Балаклея

Александр Хунин:

Я из Балаклейского района, тишина, в Балаклее в 6 утра была си- рена, свет, вода, связь все есть, ждем Россию-матушку, очень хотим вернуться домой!

Луцк

Маша:

По нашему военному аэродрому ударили, там 204-я бригада ВСУ стоит. Стояла, наверное.

Глухово, Сумская область

Петр:

Сидим в подвале, свет есть, Интернет, как видите, работает, ждем освобождения. Позвонили пограничники, пошли русские танки, ни- кто их останавливать не стал, вокруг взрывы. У нас, кажется, 58-я бригада стоит, с ней и воюют.

24 февраля 2022 года

ДОНЕЦК — «МОСКАЛЯКИ ПРИШЛИ НА ГИЛЯКИ»

Сегодня ночью я ночевал в казарме, в расположении батальона, к которому был приписан. Здесь же ночевал и командир, мы ви- дели, что в кабинет к нему принесли раскладушку. Всю ночь мимо нашей базы шла техника, не было сомнений, что вот-вот все нач- нется.

И НАЧАЛОСЬ

По «ливийскому сценарию» — сначала дистанционно выбиваются ракетами базы врага, склады, инфраструктура. Он сам уходит с пози- ций — воевать без тыла невозможно.

Как и предполагалось, наступление началось далеко от много- страдальных донбасских республик. Мы подхватим в нужный мо- мент. По слухам, направление наступления нашего соединения — юг республики, а значит, Мариуполь. О его освобождении почему-то все говорили в последние дни.

Есть первая и главная примета начавшейся войны — сегодня утром пригороды Донецка и прилегающие поселки впервые за во- семь лет не обстреливали украинские артиллеристы! Возможно, они уже сбежали с позиций.

Вокруг меня все давным-давно на ногах, в парках начали прогре- вать машины. Ждем выдвижения, все было готово еще вчера.

В ДОНБАССЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ТЯЖЕЛЫЕ БОИ

Украинские войска вчера под занавес еще раз обстреляли Горловку. Как невесело шутят ополченцы: «В любой непонятной ситуации бей по Горловке».

Донецк, впрочем, обстреливать перестали, и глава ДНР Денис Пушилин сообщил, что эвакуация мирного населения сокращается. Людей будут вывозить только из прифронтовых районов. Но моби- лизация в ДНР продолжается. Это дало свой эффект — фронт удалось наполнить людьми даже с избытком. По неофициальным коммента- риям командиров, в бой необстрелянных мобилизованных, конечно, не погонят, но тут работает психологический фактор, дословно: «На- ступать проще, зная, что траншеи за твой спиной не пустые, оттуда поддержат огнем и на второй линии тоже кто-то есть». Тотальная мобилизация не бывает без эксцессов.

Молодой парень, пришедший воевать добровольно, в смятении жалуется журналисту российского издания:

— Батю забрали после инсульта, он говорит с трудом, ну как так?

Я утешаю его как могу:

— Ну чего ты волнуешься. Сам видишь, как быстро все идет...

Но здесь, в ДНР, все идет очень медленно, с трудом. По словам командира батальона «Восток» Александра Ходаковского, основные трудности при наступлении — минные поля. Впрочем, командир на- строен оптимистично:

— Направление на Мариуполь разворачивается в нашу поль- зу. На Авдеевку — тишина. С темнотой, по естественным законам, движение замрет до утра, но свою дневную задачу мы выполни- ли — противник не отвел ни одной части с Донбасса на перехват российских сил, двинувших из Крыма вдоль побережья Азовского моря.

ПИНГ-ПОНГ

Созваниваюсь с одним из командиров подразделения, стоящего ближе всего к Мариуполю. Там проживает больше 400 тысяч человек. Командир рассказывает:

— Пока перестреливаемся, «пинг-понг» у нас называется. Огневые точки выявлять смысла нет, мы их и так знаем, а новые вряд ли появятся. И еще мы ждем, когда у них боеприпас кончится. Судя по тому, что российская армия устроила, никакого подвоза бэка (боекомплекта) у них в ближайшее время не будет. А может, и никогда.

Сопоставляю известные факты и понимаю, что задача этих людей, сидящих в окопах прямо на берегу моря, связать противника, пока в тыл к нему заходят другие части. Продвигаются тяжело. Одна из рот зашла на минное поле, залегла и была накрыта украинской артиллерией — у них там все пристреляно.

Спрашиваю собеседника:

— А ты сам откуда?

— Из Авдеевки (район Донецка под контролем Украины). Веришь, я бы с большим удовольствием родной дом освобождал, но Мариуполь тоже хорошо.

— Что можешь сказать про операцию российской армии?

— «Москаляки явились на гиляки».

Кровопролитные бои за Авдеевку продолжаются до сих пор, на момент выхода этой книги в печать. Внезапно выяснилось, что противник почти 9 лет строил в этом городе-спутнике Донецка глубоко эшелонированную оборону, залив укрепления бетоном. Такие же укрепления он создал на флангах Авдеевки и в глубине по фронту.

26 февраля 2022 года

ЦВЕТОВ ДЛЯ НАШЕЙ АРМИИ НЕ БУДЕТ

Разговор с командиром батальона «Восток» Александром Ходаковским у меня произошел в ожидании наступления на Мариуполь. Разговор тяжелый — о том, что нас ждет на Украине, как будем строить с ней будущее и мириться.

Я начал с неприятного:

— Объективно, российскую армию сейчас не встречают в том же Харькове цветами и хлебом-солью. Все как-то очень тяжело идет. Почему?

— Да, мы видим. Народ испугался, не понимает, что происходит. Появление российской армии привело их в шок. Восемь лет усиленной пропаганды поменяло мировоззрение.

— Есть примеры?

— Был знакомый, выпал на четыре года из украинской среды, а потом пришлось вернуться накануне войны. То есть он не эволюционировал вместе с украинским обществом. Поэтому он сразу увидел все изменения. И его это поразило так, что он закончил отношения с работодателем и уехал. Такая независимая оценка настроений. Видно, что с людьми работали капитально.

— А что же нам дальше делать? Допустим, займем завтра Киев. Через пару недель спецоперацию закончим. Надеюсь, относительно бескровно. Я уже слышал мнение ополченцев. Почему не накрывают ракетами украинские казармы? Чтобы не было сразу сотен жертв? Их же вообще жалеть нечего! А я считаю, такой подход неправильный, нам же жить дальше вместе. Как?

— Думаю, политически это реализуется так. Сменится власть. Не будем миндальничать, легитимность этих выборов, возможно, будет условна. Новую власть навяжут из старого украинского истеблишмента. Не знаю, кто там будет — Медведчук или еще кто. Те, кто расценивается Россией как вменяемые политики.

— Что это значит?

— Не стремятся в НАТО и Евросоюз, а ориентируются на Москву. Будет придумана какая-то новая форма государства. Возможно, это будет федерация. С глубокой автономией регионов. Но в этой схеме надо предусмотреть особую судьбу Донбасса.

— Нас не обманут опять?

— Если в Киеве будут сидеть условно лояльные политики, эта лояльность опять может оказаться временной. Поэтому всю новую армию Украины я бы завязал на Донбасс и на жителей Донбасса. А в остальной Украине — только полицейские подразделения. И чтобы правительство, сидящее в Киеве, полностью зависело и опиралось на армию, сформированную на Донбассе. Так мы сможем уйти

от попыток реванша. А вот группа донбасских депутатов в Верховной Раде нам больше не нужна — нас опять политически сожрут.

— Всю Украину оставим?

— Думаю, западные области попадут под внешнее управление Румынии, Польши, Венгрии. К этому все идет и в такой композиции есть логика. Но придется поморщиться и смириться с мыслью, что эти территории мы потеряли надолго. Или навсегда.

— Возврата не будет?

— Нет. Мы поняли, из-за чего все произошло на Украине. Мы пустили в страну абсолютно инородных людей. Вот как питьевую воду смешали с канализацией, извините за сравнение. У них же свое видение жизни, свои ценности, отношение к братству славянских народов. Мы втянули чужие нам «западенские» области в свой мир. Они влияли, мутили, сколько людей они переделали на Украине под свое мировоззрение. Нормальных, русских людей! Я предлагаю перекреститься по поводу потери этих областей. И мы получим еще одно преимущество.

— Какое?

— Территории, куда можно отправлять людей, не согласных с нашим мировоззрением. Когда мы будем чистить Украину от националистов, мы всегда сможем сказать: хочешь, езжай в Тернопольскую область и будь там кем хочешь, живи как хочешь.

— Не загоняя их в угол? Это сгладит остроту.

— Я думаю, в этом и была ошибка советской власти после Великой Отечественной. Бандеровцы и самостийники были вынуждены спрятаться, мимикрировать, ждать своего часа. Нет, мы должны их отсепарировать и отправить на историческую родину. Ни в коем случае не ограничивать их в каких-то правах, потому что мы не можем себе позволить им уподобляться. Мы должны дать им возможность жить, а как — их проблемы. Мы у себя будем наводить порядок и вычищать после них авгиевы конюшни. Такая вот грубая зарисовка будущего, модель, которая могла бы существовать.

Отчасти модель будущего Украины в представлении комбата «Востока» реализовалась «на земле», на освобожденных территориях. Там даже работает такая процедура, как выдворение за линию фронта активных «заукраинцев», не желающих жить в России. Некоторые не желают настолько активно, что занимаются разведкой це-

Мариуполь, первые дни штурма. Таганрогское шоссе, полоса наступления батальона «Восток», съемка наших авиаразведчиков

лей для ВСУ, передают информацию через мессенджеры. Таких тоже вышвыривают прочь, разумеется, если они не занимались реальной диверсионной деятельностью. Многие нелояльные уехали сами, я видел летом многокилометровые очереди на последнем переходе через линию фронта, в Приазовье, у ПГТ Васильевка. И сепарация, простите за это слово, на части Украины состоялась. Хотя объективно она шла с 2014 года, после возвращения Крыма и с началом волнений и боев в Донбассе. Голосовали ногами. Кто-то уезжал на Украину, но немало людей уехало в Россию. Не удивлюсь, если выбравших Россию было не меньше «заукраинцев».

25 февраля 2022 года

НАСТУПЛЕНИЕ В ДОНБАССЕ ИДЕТ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО

Российский вертолет, проскочивший над окраиной Донецка утром, вызвал небывалую радость в городе: «Наши пришли».

Как прокомментировала этот факт героиня одного из репортажей КП, известный донецкий блогер Женя Марти:

— Ни одна мировая звезда не получала столько восторженных криков от приветствующих ее фанатов, как этот вертолетик.

Женю буквально переполнял восторг...

На этом хорошие новости закончились. Сегодня войска Украины как с цепи сорвались. Утром в Горловке была обстреляна школа № 50 и убиты две учительницы, прямо в кабинете. Удар был настолько мощным, что одну из погибших женщин не спас даже массивный сейф, которым она пыталась закрыться. Затем практически по центру города ударила артиллерия и перебила газопровод.

Обстреляли Макеевку и станцию в Ясиноватой, через которую, кстати, идет эвакуация. Следом по городу прилетела «Точка-У», но тактическая ракета малой дальности сработала нештатно. В огород к жителям Донецка, под забор, упал двигательный отсек с рулевой группой. Здесь может быть два варианта — сработала ПВО, закрывающая небо Донецка (ее работа секретна, никакие подробности не оглашаются). Второй вариант: у всех украинских «Точек-У» давно-давно истекли сроки хранения. Регламент обслуживания этих ракет — 10 лет, возраст большинства «Точек» — хорошо за 30. Возможны сюрпризы, вплоть до случившихся взрывов «Точек» прямо на старте...

Поэтому артиллеристы повторили обстрел минами, как оказалось, их целью была нефтебаза. Мины смогли повредить площадку для забора нефтепродуктов, пожар быстро потушили.

Так или иначе, республики Донбасса по-прежнему остаются под огнем, несмотря на российскую миротворческую операцию. Украинские артиллеристы в очередной раз продемонстрировали свою невременность, возможно, они еще рассчитывают на победу, но шансов уже немного.

ФРОНТ ИЗЛОМАН, НО У НАС ПОЯВИЛИСЬ РЕЗЕРВЫ

— Тяжело идет наступление, — сказал мне командир батальона «Восток» Александр Ходаковский. — Три бригады и Горловский полк сейчас давят южное направление. Потери... умеренные, я бы сказал. Долго преодолеваются минные поля. Линия фронта изломана, трудно даже на карту нанести оперативную обстановку. Бывает так, что части продвинулись вперед и считают какой-то населенный пункт тылом, а наши подразделения наталкиваются на недобитых украинских военных. Они сидят там и сами не понимают, что давно уже в окружении. Такая чересполосица.

— Как в 2014-м?

— Да, но это нормально, это же наступление! Кто-то быстрее наступает. Кого-то техника подводит. Скажем так, подбитой нет, но есть вышедшая из строя из-за износа. Но есть и отличие от 2014-го — все идет более организованно, с общим замыслом. Опять же сейчас у нас паритет в силе, а тогда все было сложнее.

— Когда на Мариуполь?

— Ближайшие дни об этом говорить не будем. Тем более если мы и подойдем к Мариуполю, сразу в город не полезем, и на это есть целая куча причин, начиная с гражданского населения. Нам главное отсечь Мариуполь, заблокировать.

— Правда ли, что основная задача армий ЛДНР — связать группировку Украины в Донбассе? Не дать ей перебросить резервы под Харьков, например?

— Это — главная задача. Здесь же сосредоточено порядка 300 единиц разнокалиберной техники и около 60 тысяч живой силы. Это большая часть всей украинской армии, примерно ее треть. Если бы мы вели себя вяло, в режиме затяжной позиционной войны, они бы уже половину своих подразделений перебросили против регулярной российской армии.

— У вас за счет чего получилась активизация?

— Сняли резервы со всех направлений, местами на позиции поставили мобилизованных. И сумели добиться ограниченного оперативного успеха. Этот успех и заставляет войска Украины держать основную массу личного состава в Донбассе. В противном случае их бы перебросили, например, под Мелитополь.

28 февраля 2022 года

В ПОЛОСЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

За день до этой поездки в полосу наступления случилась беда — украинская артиллерия «размотала» в хлам нашу бронированную инкасаторскую «Ниву», в экипаже которой числился спецкор КП. Это был важный опыт — осколки «града» прошли насквозь бронированный корпус, уцелели только стекла. Для войны «мирный броневик» абсолютно не годился. К счастью, в момент обстрела в машине никого не было — все лежали под стенами домов. «Нива» пришла в такое жалкое

состояние, что ее пришлось бросить на месте трагедии — в километре от пресловутого села Бугас, только что взятого нашими войсками.

Ночью пришло сообщение — Бугас взяли, путь на Волноваху открыт.

К утру наши зацепились за окраины Волновахи, это было хорошо слышно. Останавливаюсь у точки, с которой и началось освобождение Донбасса: это блокпост на дороге, пересекающей уже бывшую, совершенно неактуальную линию фронта. По обочинам кучками сложены противотанковые мины, даже из машины видно, что взрыватели из них вывернули саперы. Блокпост ВСУ был явно пристрелян, его разбили, «разобрали», как говорят на Донбассе, положив по нему точнейшим образом десятков снарядов. Погибшие вэсэушники лежат справа и слева от дороги — убирать их, опознавать просто некогда. Да и никто не хочет мараться — над блокпостом висел правосековский флаг, его содрали сразу же. В обе стороны от блокпоста, по полям, к горизонту, уходит цепь капитальных дзотов — никто не стал сражаться в них до конца. Но попытка такая была. У обочины приуныл украинский танк Т-64. Очень манерный, наряженный по моде войны — с противоминными трапами, динамической защитой, с системой постановки дымзавесы, весь в камуфляже. Вокруг танка валяются разорванный «сниданки» — украинские армейские пайки в зеленом толстом полиэтилене. На обочине стоит черная «Волга» с украинскими номерами — лобовое стекло расстреляно из автомата. На капоте «Волги» черно-белое граффити — монашка с сатанинским перевернутым крестом на лбу, а сверху написано грубо, краской из баллона «ДУК» — «Добровольческий украинский корпус», детище печально-известного Дмитро Яроша. Крови в машине нет — ушли, но крови они здесь оставили немало.

«ЭТО НЕ ЛЮДИ, Я ПОНЯЛ»

Проскакиваю Бугас до конца, до трассы на Мариуполь, и вижу удивительную картину. Прямо под полотном дороге, в бетонном тоннеле, стоит танк. А рядом вокруг костерка расселись танкисты. Вместо скамеек у них пластиковые контейнеры от противотанковых управляемых ракет NLAW. Сбоку написана дата выпуска — 2002 год. Пожилой танкист смеется:

— Прокисли они давно! Я не видел, чтобы их по нам применяли. Думаю, их больше в телевизоре, чем на фронте.

Танкисты не рекомендуют мне вылезать на трассу «поглядеть на Мариуполь и Волноваху». Мариуполь далеко, больше полусотни километров. Трасса еще простреливается, над Волновахой столб черного дыма, говорят, там что-то коптит уже сутки.

Первый же встреченный в Бугасе пожилой мужчина начинает рыдать, сдерживается с трудом:

— Что они здесь вытворяли в последние сутки, словами сказать невозможно! Заходили в дома, грабили, особенно вот на том краю села. Школу разграбили. Многие же поужезали, дома пустые стоят.

— Как к вам относились?

Мужчина, пытается подыскать слово, с трудом, но находит:

— Не по-человечески. Это не люди, я за восемь лет понял.

К нам подходит плачущая жена Федора Валентина Дмитриевна, учительница:

— Все восемь лет вам ждали, поверьте!

Женщину буквально прорывает:

— Мать в доме, лежащая, хорошо, что ничего не понимает, и вывезти никуда не могу. Только жаловалась мать, что ходили они на днях по селу, в окна и двери стучали. Вот по этой улице у хлопца машину забрали, завести не смогли, начали тянуть ее тросом, а потом просто расстреляли из пулемета, вон гильзы валяются. Мы ночью собрались, и эту машину в сторону столкнули — вдруг танки поедут ночью, не заметят...

— Восемь лет они у вас стояли, что-то хорошее можете вспомнить?

Женщина говорит твердо, не задумываясь:

— Нет.

У нашей собеседницы сейчас дети и родственники сидят в Волновахе в подвале:

— Утром звонили, места себе не нахожу. Там внуки и правнуки... Ребята на БТРе проезжали, я к ним — когда освободите? Не знают...

«ГРИВНЫ УЖЕ НЕ БЕРУТ»

И мы не знали, когда освободят Волноваху, хотя артиллерийская дуэль шла прямо на наших глазах. Четыре-пять прилетов по краю села — судя по разрывам, вспышкам и звуку, не меньше 150 милли-

метров. Проходит секунда, и весенний ветер доносит из полей дикий крик «Залп!». Расстояние огромное, но я услышал это слово четко. И сразу же с холма начала работать батарея «градов». Минутная пауза, корректировка целей. «Грады» достреливают оставшиеся ракеты, снимаются с места и уходят перезаряжаться. На одной позиции здесь долго не стоят, опасно.

В центре Бугаса я заметил большой магазин. Поставили машину под стеночку, от греха, и пошли, как говорят на Донбассе, «скупляться». По пути встречаем ополченцев, я спрашиваю:

— Мужики, там гривны еще берут или уже не берут?

Бойцы хохочут:

— Там все берут!

Уже в дверях я понял, что магазин полностью, почти до доньшка, разграблен. «Воины света» увезли даже витрины-холодильники, на полу — гора мороженого, оно уже тает и растекается липкими лужами. Ботинки чавкают.

За разграбленным магазином к военным подходит бабушка Валя:

— Сынки, дайте поесть.

Сердце сжимается от этих слов. Бойцы сгружают бабушке две буханки белого, две пятилитровки с водой (света в селе нет, и электронасос в колодце не работает). Приносят две коробки с армейскими пайками. Бабушка спрашивает растерянно:

— Как их готовить?

Я подхватываю канистры с водой и говорю:

— Пойдемте покажу, там есть разогреватель — спиртовые таблетки и подставка под банку. Минута, и она горячая. А там, глядишь, и свет подключат. В Донецке его быстро чинить научились.

Бабушка Валя крестится.

МЕЧТА НА ВОСЕМЬ ЛЕТ

В бывшей Миколаевке, превратившейся обратно в Николаевку, — тьма бойцов в «пиксельном» камуфляже, все с оружием. И что-то висит в прозрачном воздухе, какая-то неосязаемая, но концентрированная тревога. Люди понимают, что с минуты на минуту их бросят в бой.

У костерка пьют чай, шахтер Василий, проходчик пятого класса, воевал еще в 14 году. Говорит, что «готов воевать, пока не будет при-

каза остановиться». Василий жалуется, что света нет, Интернета на освобожденных землях пока нет, а когда звонишь домой, там толком ничего объяснить не могут. Я устраиваю бойцам маленькую полиинформацию, слушают меня жадно. Возможно, во мне пропал политрук. Василий резюмирует мой рассказ о политике:

— Границы бы хотелось расширить, слишком много нашей земли они захватили. Родни за линией фронта — брат, сестра, племянник. И у них сейчас такое же творится, как у нас было восемь лет. Хотелось бы, чтобы скорее все закончилось, мы же не за войну, мы за мир. Вот нас опять называют террористами, хотя пули и снаряды восемь лет в нашу сторону летят. А террористы мы...

Обсуждаем переговоры в Белоруссии, которые идут прямо в эти минуты. Вася непреклонен, и товарищи его поддерживают:

— Вот, даже если они сейчас нам предложат мир и извинения, чтобы мы на Украину вернулись, исключено, никогда!

На выезде из Николаевки стоит батюшка с иконой и благословляет проезжающие на Волноваху войска. Батюшка тоже воевал в 2014 году, но просит про него не писать. Я знаю, даже внутри РПЦ МП на Украине есть застарелый раскол, и, как воцерковленный, не хочу пока обсуждать эту тему.

Возле нас притормаживает машина, немолодой офицер:

— Ребята, раненого в Донецк захватите?

Мы сажаем молоденького прапорщика Руслана на переднее сиденье. У него бетонной плитой от забора перебиты обе ноги. Руслан двое суток ждал этой эвакуации, его обкололи обезболивающими без меры, он в приподнятом настроении, смеется, ворочается на сиденье — не чувствует пока боли, хотя переломы у него со смещениями. Руслан очень эмоционально рассказывает, как его ранило:

— Танк укропский в засаде сидел. Пропустил разведку, а по нам начал бить. Я ехал на первой БМД, по нам он промазал. Следующая машина — попал, она прямо взорвалась. В третью попал, но там людей с брони уже сдуло, а на меня плита упала. Я уже лежал на обочине... Водителю голову оторвало, мне ее принесли, показали — говорят, вот голова Балу...

Мне кажется, что Руслану еще придется осознать весь этот виденный ужас. Я пытаюсь его утешить:

— Считай, как выздоровеешь, война и закончится.